

Цзинчжэ казалось, что Жун Цзю, помимо того что был неисправимым ревнивцем, страдал ещё и... как бы это сказать... тактильным голодом. Этот злосчастный эффект от системы идеально подходил Жун Цзю.

Он обожал к нему прикасаться.

Но в этих прикосновениях не было пошлости. Он просто касался. Или обнимал. Будто держал в руках куклу. Цзинчжэ невольно задавался вопросом: не пробудила ли та давняя привычка носить его на руках какие-то скрытые желания? Он и сам был довольно прилипчивым, но Жун Цзю превосходил его в этом.

«И ведь не брезгует», — пробормотал Цзинчжэ себе под нос и отвёл руку Жун Цзю.

Жаркий полдень, а он льнёт, будто и не чувствует зноя.

— Не трогай, — прошептал Цзинчжэ. — Мне скоро нужно будет показаться людям.

Если одежда будет измята, это сразу заметят.

Прохладные пальцы Жун Цзю коснулись его щеки. Приятная прохлада заставила Цзинчжэ невольно прильнуть к руке. В отличие от него самого, Жун Цзю всегда был немного холоднее на ощупь. В такую погоду это было настоящим спасением.

— Не нравится? — лениво протянул Жун Цзю. Он сидел, прислонившись к стволу дерева и согнув длинные ноги так, что между ними как раз помещался Цзинчжэ.

Прислонившись к его груди, Цзинчжэ слегка покраснел. Мало того что страдает тактильным голодом, так ещё и говорит без всякого стеснения.

— Но разве не надоест, если постоянно быть вместе? — Цзинчжэ напряг память, пытаясь вспомнить слова Минъюя о том, что нельзя быть слишком податливым, иначе тебя перестанут ценить. — Кстати, ты ещё постоянно впиваешься зубами в мою шею... Ты что, голодный?

Пользуясь тем, что мазь заживляла всё мгновенно, Жун Цзю, открыв для себя прелести его шеи, то и дело зарывался в неё лицом.

Слово «впиваться» не очень-то подходило Жун Цзю. Ведь он был таким холодным и отстранённым. Глядя на его лицо, никто бы и не подумал, что он способен на такое. Но Цзинчжэ, будучи тем, кого кусали, чувствовал, будто Жун Цзю впивается не в плоть, а в самую кость. У него такие крепкие зубы, что, впивавшись они в кость, та бы наверняка хрустнула.

— Та мазь... закончилась? — спросил Жун Цзю.

— Осталось совсем немного.

«Немного» означало, что её почти не было. Все лекарства, что приносил Жун Цзю, были чудодейственными.

Раньше Цзинчжэ почти не пользовался ими, но с тех пор как Жун Цзю, нащупав на его ладонях мозоли, задумчиво велел ему применять мазь почаще, он стал это делать. И мозоли действительно стали мягче.

А потом Цзинчжэ снова прекратил.

Когда Жун Цзю это обнаружил, он зацеловал его до полусмерти, и Цзинчжэ едва успел выторговать себе право на объяснение.

Он ведь служил во дворце. Если руки будут совсем без мозолей, это сразу бросится в глаза, и объяснить такое будет непросто. У всех они есть, а у тебя нет — разве не странно? Он же не из знатной семьи.

— Если ты захочешь, то почему бы и не стать знатным? — Жун Цзю отвёл упавшую на лицо Цзинчжэ прядь. — Зачем их бояться?

В этом и была их разница. Разница в положении определяла их взгляд на мир. Цзинчжэ не обиделся, а лишь честно ответил:

— Но мне ведь нужно работать, а мозоли — это своего рода защита.

Руки простолюдина грубы, но мозоли — это защитный слой. Без них работа становится мучительной. Когда он только начал работать с большой метлой, он стёр руки в кровь. А потом этими же руками в лютый мороз чистил перила. Нежная кожа для грубой работы не годится.

Жун Цзю не стал спорить. Он выглядел неприступным, но, если Цзинчжэ приводил разумные доводы, он к ним прислушивался. Просто казался холодным, а на самом деле был очень хорошим.

— Хорошим? — странно изогнул бровь Жун Цзю.

Иногда даже ему было трудно понять, о чём думает Цзинчжэ. В его глазах Жун Цзю был идеален, без единого изъяна.

— Ты приносишь мне лекарства, навещаешь, заботаешься обо мне. Разве это не хорошо?

Выражение лица Жун Цзю стало ещё более странным. Он помолчал, а потом спросил:

— И это всё?

Теперь настала очередь Цзинчжэ удивлённо посмотреть на него.

— А что ещё нужно?

— Деньги, власть или что-то другое?

— Ты мне ничего не должен. С чего бы мне просить у тебя такое? — Он, в свою очередь, принялся поучать Жун Цзю. — Нельзя, полюбив человека, отдавать ему всё без остатка. Так нельзя, тебя в будущем непременно обманут.

Жун Цзю молчал.

Обманут? В будущем?

— С кем это ты собрался строить будущее? — зловеще прошипел он.

Сердце Цзинчжэ пропустило удар.

— С кем ещё? Я ведь с тобой разговариваю, — спокойно ответил он.

Жун Цзю схватил его за подбородок и повернул к себе. Цзинчжэ серьёзно посмотрел на него. В глазах Жун Цзю промелькнула ярость, но он сдержался.

— Даже не думай жалеть, — сдавленно произнёс он.

Всего одно неосторожное слово, а Жун Цзю уже всё понял. Цзинчжэ, не заметивший своей оговорки, смущённо коснулся щеки и опустил глаза.

— Я не пожалею. Главное, чтобы ты не пожалел.

— А почему я должен жалеть?

— Я мужчина, и даже не полноценный. У меня нет ни денег, ни власти, я не могу дать тебе

богатства. Я евнух, и, если не случится чуда, всю жизнь проведу во дворце. Разве не ты остаёшься в проигрыше?

Жун Цзю прикрыл рот рукой, чтобы не рассмеяться.

Как это объяснить?

Все недостатки, перечисленные Цзинчжэ, для него были достоинствами.

Мужчина или женщина — для Жун Цзю это не имело значения. Если никто другой не вызывал в нём желания, значит, его привлекал именно Цзинчжэ.

Деньги и власть... в этом мире вряд ли нашёлся бы кто-то могущественнее Жун Цзю. Так что это не имело значения.

А последнее... Ха, да это просто смешно.

Разве не прекрасно, что он навсегда останется во дворце?

Большая рука Жун Цзю легла на живот Цзинчжэ. Это худощавое тело, каким бы оно ни было внутри, легко разжигало в нём страсть.

Цзинчжэ всегда стеснялся своего тела. Даже в самые близкие моменты с Жун Цзю он не мог избавиться от этого комплекса.

Жун Цзю специально навёл справки. В их династии евнухам при оскоплении удаляли лишь яички, лишая их способности к продолжению рода. Естественно, после этого пропадало и желание.

Но отсутствие желания не означало полного отсутствия ощущений.

Цзинчжэ стыдился своего обнажённого тела, не зная, что Жун Цзю, наоборот, находил в этом жалком, утратившем жизненную силу органе нечто возбуждающее, пробуждающее странный, извращённый интерес.

Молчание Жун Цзю затянулось, и Цзинчжэ забеспокоился. Он придвинулся ближе и тихо спросил:

— Ты и вправду жалеешь? — В его голосе слышались тревога и неуверенность. Он, не мигая, смотрел на Жун Цзю влажными глазами.

Жун Цзю коснулся его щеки, силой подавляя тёмное желание в глазах.

— Раз уж ты задаёшь такой вопрос... — Его рука скользнула с живота выше, на грудь Цзинчжэ.
— Значит, тебе мало того, что я делаю обычно?

Он изогнул бровь, и на его прекрасном лице появилась лукавая улыбка.

— Моя вина, — медленно произнёс он, удерживая пытавшегося сбежать Цзинчжэ за запястья.
— Не волнуйся, я сделаю так, что ты больше никогда не задашь этот вопрос.

Цзинчжэ был готов плакать, но не мог вырваться.

Нет, нет, нет, не смей снимать с него одежду!

Несколько дней Цзинчжэ ходил, слегка согнувшись. Юнькуй и Хуэйпин ничего не спрашивали, но любопытный Гушэн однажды во время отдыха хлопнул его по спине. Цзинчжэ вздрогнул и сердито посмотрел на него. Его руки странно застыли перед грудью.

— Цзинчжэ, что с тобой? Ты не заболел?

— Не заболел.

— Правда? — с сомнением спросил Гушэн, глядя на его вспотевший лоб. Если всё в порядке, почему лицо такое красное?

— Ты меня напугал.

Цзинчжэ слабо вытер пот и отодвинулся к Юнькую. Но Гушэн был настойчивым и последовал за ним. Так они и сидели вчетвером, отдыхая от дел. Цзинчжэ молчал, и Гушэн заговорил с Юнькуем.

— Слышал, Вдовствующая императрица заболела...

— Когда?

— С тех пор как старая госпожа Хуан приезжала во дворец. Говорят, до сих пор не поправилась.

Хуэйпин тоже вставил слово:

— Гуйфэй и Фэй Дэ ходили ухаживать за ней, говорят, поссорились.

Все высокопоставленные наложницы были так или иначе связаны с Вдовствующей императрицей, и, когда та болела, они, конечно, спешили к ней. Но когда сиделок много, нужно определить, кто главнее. До появления Гуйфэй самой влиятельной была Фэй Дэ, которая вела дела во дворце довольно справедливо. Но с приходом новой фаворитки всё изменилось.

Одна была племянницей, другая — внучкой, и обе из рода Хуан. Гуйфэй потеснила Фэй Дэ, поставив её в неловкое положение. Однако Вдовствующая императрица не забрала у Фэй Дэ управление дворцовыми делами, что позволяло ей держаться на плаву. Но на этот раз, когда они обе пришли ухаживать за больной, нужно было выяснить, кто важнее. И Вдовствующая императрица чаще звала к себе Гуйфэй, что было явным унижением для Фэй Дэ.

Цзинчжэ слушал их шёпот и, прикрываясь, осторожно потирал грудь. Зуд ещё не прошёл, но было уже не так мучительно, как в первые дни. Вспоминая, что сделал Жун Цзю, он надул щёки.

Ну и извращенец!

Он никогда не испытывал ничего подобного и не думал, что это место тоже может быть объектом ласк. В нём и так почти нет плоти, почему Жун Цзю усталился именно сюда?

Если так подумать... за те несколько месяцев, что они были вместе, они впервые увидели друг друга обнажёнными... Он думал, Жун Цзю это неинтересно.

Ничего подобного! Обнажённой была только его верхняя часть тела!

При этой мысли Цзинчжэ закрипел зубами.

Так что же, Жун Цзю хочет... этого?

Но как это делается?

В этом вопросе Цзинчжэ был совершенно неопытен. Он посмотрел на Юнькуя, задумавшись: то, что делают мужчина и женщина, наверное, отличается от того, что делают мужчина и мужчина?

Если он спросит у Юнькуя... его не сочтут развратником?

Во дворце Шоукан было тихо. Даже с приходом нескольких наложниц покой не был нарушен. Все передвигались бесшумно, боясь потревожить больную.

Фэй Дэ и Фэй Кан сидели снаружи, изредка перебрасываясь словами. В основном они молчали.

Фэй Кан украдкой взглянула на Фэй Дэ. Та, миниатюрная и миловидная, сидела с невозмутимым лицом. Конфликт между ней и Гуйфэй был у всех на устах. Одна управляла дворцом, другая была новой фавориткой императора и доверенным лицом Вдовствующей императрицы. Их соперничество вносило диссонанс в придворную жизнь.

Они и раньше ухаживали за Вдовствующей императрицей, когда та болела. Но тогда их помощь была скорее символической. Они были госпожами, и Вдовствующая императрица только раздражалась от их неуклюжести. Но на этот раз всё было иначе. Гуйфэй постоянно звали в покои больной. Сквозь полупрозрачную ширму было видно, как она подносит Вдовствующей императрице чашу с лекарством.

Такой близости Фэй Кан немного завидовала. Она стала супругой только благодаря своей семье. Семьи Кан и Хуан были тесно связаны, и отец Фэй Кан служил под началом министра финансов. Но она была робкой и нерешительной, и после прибытия во дворец так и не смогла выделиться. Даже когда Цайжэнь Лю вела себя в её дворце Юннин вызывающе, она редко пыталась её урезонить. Из-за её робости мало кто во дворце её уважал, хотя и не осмеливался открыто притеснять.

Но больше всего Фэй Кан была благодарна за то, что, несмотря на то что она жила во дворце, ей ни разу не пришлось встретиться с императором Цзинъюанем лицом к лицу. Даже когда он приходил во дворец Юннин, он шёл в боковой флигель к Цайжэнь Лю, никогда не заходя к ней. И за это она была ему безмерно благодарна.

Фэй Дэ почувствовала на себе её взгляд, открыла глаза. Фэй Кан улыбнулась ей и осторожно спросила:

— Сестра, через несколько дней день рождения Вдовствующей императрицы, как думаешь...

— Как обычно, — спокойно ответила Фэй Дэ.

Это означало, что организацией будет заниматься она. Фэй Кан с облегчением вздохнула.

Во дворце пышно отмечали только день рождения Вдовствующей императрицы. Император Цзинъюань свой день рождения не любил и никогда не устраивал празднеств. Но наложницы всё равно должны были посылать подарки во дворец Цяньмин. Дворец принимал их, но всегда отсылал ответные дары. Это был единственный раз в году, не считая праздников и наград,

когда наложницы могли получить что-то из покоев императора.

Но это не всегда было хорошо.

Когда хозяин принимает подарки от гостей, это означает, что он принимает их благословения. Но если он тут же отправляет ответный дар, это означает совсем другое.

При этой мысли у Фэй Кан разболелась голова. К счастью, до дня рождения Цзиньюаня было ещё далеко.

Вскоре вышла Гуйфэй. С лёгкой улыбкой она обратилась к ним:

— Сёстры, я отлучусь, чтобы переодеться. Прошу вас, присмотрите за Вдовствующей императрицей.

Супруга Кан заметила на её рукаве жёлто-коричневое пятно — видимо, она испачкалась, ухаживая за больной.

Фэй Дэ спокойно кивнула и проводила её взглядом.

Сев в паланкин, Драгоценная супруга не переставала улыбаться. Только войдя в свой дворец Чжунцуй и отослав всех, кроме служанки Юйши, Хуан Ицзе позволила себе нахмуриться.

Юйши встала позади неё и принялась осторожно массировать ей виски.

— Госпожа, Вдовствующая императрица опять просила о чём-то трудном?

— Нет, не трудно, — тихо ответила Хуан Ицзе. — Она просто велела мне пока прекратить.

— Но почему?

— Почему, я и сама не знаю. Но пока можно и остановиться. Дворец Цяньмин слишком хорошо охраняется, и даже когда Его Величество приходит сюда, расстояние всё ещё слишком велико... — её голос затих.

Хотя Цзиньюань несколько раз посещал её дворец, она не думала, что он испытывает к ней интерес. Он смотрел на неё не как на женщину. Он даже не прикасался к ней.

Прибыв во дворец, Хуан Ицзе знала, что ей предстоит, включая и близость с императором. Перед этим Вдовствующая императрица даже наняла ей наставницу. И именно после этого обучения она стала острее чувствовать взгляды других.

Она не могла представить, чтобы такой холодный человек, как Цзиньюань, мог стать страстным... Он казался совершенно далёким от плотских утех. За всё это время ни одна из наложниц не родила наследника, что говорило о его воздержанности. И Вдовствующая императрица была этим очень довольна.

— Госпожа, может, когда старая госпожа Хуан приезжала, она что-то сказала Вдовствующей императрице, и между вами возникло недопонимание? — спросила Юйши.

Ещё в доме Хуан старая госпожа не очень-то любила Хуан Ицзе.

— Старая госпожа приезжала не из-за меня, — тихо ответила та.

Но то, что Вдовствующая императрица приостановила свои планы, определённо было связано с визитом старой госпожи. Но какое это имело к ней отношение? Смертный приговор от этого не исчезнет. Вся её семья была в руках Вдовствующей императрицы, и та не позволит такой ценной карте долго лежать без дела. У неё, вероятно, не хватит терпения.

Хотя Вдовствующая императрица была нездорова, она всё же почтила своим присутствием устроенный в её честь банкет. А когда во дворец прибыл принц Жуй, она и вовсе повеселела, и от болезни не осталось и следа.

Что до дворца Цяньмин, то оттуда подарок прислали только к вечеру. Так было каждый год — лишь видимость мира.

После банкета принц Жуй лично проводил Вдовствующую императрицу во дворец Шоукан. Всю дорогу она не отпускала его руки, не в силах на него насмотреться. Ведь это был его первый визит во дворец после покушения.

— Матушка, не волнуйтесь, я в полном порядке, — сказал принц Жуй.

Во дворце Шоукан он сел у её ног и принялся массировать ей колени. Она взяла его за руку и усадила рядом.

— В порядке? Лекари, которых я послала, рассказали мне всё. Ты уверен, что всё в порядке?

Она не верила.

— Для меня это, наоборот, к лучшему, — улыбнулся принц.

— Ты с ума сошёл? — нахмурилась Вдовствующая императрица.

— Матушка, я был вынужден оставаться в столице и не мог заниматься многими делами. После восшествия на престол императора я должен был вернуться в свои владения. Теперь у меня наконец-то есть для этого подходящий повод.

Дело о покушении так и не было раскрыто. Принц Жуй знал, что его и не раскроют. И именно поэтому он мог использовать это как предлог для возвращения в свои земли.

При этой мысли Вдовствующая императрица задумалась. Хотя ей не хотелось отпускать сына, она понимала, что только в своих владениях принц обладает полной властью. В столице же ему приходилось вести себя тихо. К тому же, если он останется здесь, на него могут снова совершить покушение.

Все братья Цзинъюаня, кроме принца Жуя, уже давно разъехались по своим уделам. Он оставался в столице отчасти по воле императора, но в основном из-за матери. Она не хотела его отпускать, ведь тогда они бы виделись очень редко. Он был её единственным сыном.

Но он должен был уехать. Даже если бы она не хотела, он всё равно нашёл бы предлог. А теперь повод нашёлся сам собой. И это был веский довод не только для Цзинъюаня, но и для неё.

— Но откуда ты знаешь, что этот Хэлянь Жун тебя отпустит?

Услышав это, принц Жуй уверенно улыбнулся:

— Он обязательно меня отпустит.

Потому что по дороге в его владения возможностей для покушения будет гораздо больше, чем в столице. Если Цзинъюань всё ещё хочет его смерти, он согласится.

И он оказался прав. Когда его раны зажили и он на утреннем приёме попросил разрешения вернуться в свои земли, Цзинъюань не стал его удерживать.

— Раз уж принц Жуй так стремится домой, я не смею его задерживать. Конечно, я согласен, — с лукавой улыбкой сказал император, глядя на него сверху вниз. — Надеюсь, ваше путешествие будет безопасным.

Отъезд принца Жуя был и важным, и незначительным событием. Для Министерства ритуалов и других чиновников это была большая суэта. Для остальных — лишь тема для разговоров.

Горожане, услышав новость, тут же возвращались к своим повседневным делам.

На обочине дороги стояла девочка лет десяти с куском ткани в руках. Услышав в чайной разговоры о принце Жуе, она остановилась, чтобы послушать. Простолюдины любили в свободное время посидеть в чайных и тавернах, слушая рассказчиков. А если в столице случалось что-то важное, здесь собиралось множество людей, каждый со своей версией событий.

Уличные чайные были местом попроще. Здесь собирался всякий люд, и слухи были ещё более невероятными.

— Говорят, принца Жуя просто напугали, вот он и сбежал из столицы. Хе-хе, а дело о покушении так и не раскрыли!

— А я говорю, бояться — это нормально. Ты бы не боялся? Сосед внука моей тёти говорил, что поместье принца Жуя охраняют так, что и птица не пролетит!

— И кому это принц Жуй так не угодил... Он ведь хороший человек. В прошлом году я чуть с голоду не умер, так он похлёбку раздавал...

— И я у него ел.

— Да-да, принц Жуй — хороший. Может, это тот, что наверху...

— Да что ты такое говоришь! Этот, конечно, с крутым нравом... но он лучше предыдущего!

Мнения разделились, и в чайной разгорелся спор.

Репутация Цзиньюаня среди простого народа была лучше, чем среди чиновников. Хотя слухи о его жестокости ходили, люди судили по своей жизни. А она стала лучше. По крайней мере, можно было выжить. Раньше и этого не было.

Девочка, подслушивавшая у чайной, ушла, как только начали хвалить принца Жуя, и не слышала дальнейшего спора. Она легко перепрыгнула через лужу и пошла по тёмным переулкам, всё дальше и дальше, пока не свернула в самый глубокий из них.

Здесь было темнее, чем в других местах, и пахло сыростью. Но дома были убраны, и у каждого на верёвках сушилось бельё. Увидев девочку, соседи приветствовали её из своих дворов. Она улыбнулась в ответ и вошла в дом.

Изнутри доносился кашель.

— Мама, — радостно сказала девочка, положив ткань. — Сегодня управляющий Сюй сказал, что мы, новенькие, хорошо работаем, и дал каждой по куску ткани. Она, конечно, с браком, но носить можно. Я тебе на днях сошью новое платье.

Женщина лет сорока, которую она назвала матерью, вышла из комнаты. Она хромала на одну ногу и шла медленно.

— Себе сшей, — сказала она, погладив девочку по голове. — Зачем мне, я не гонюсь за модой.

— Но у тебя давно не было новой одежды, — возразила девочка. — А у меня в мастерской всегда остаются обрезки. Я сама сошью, так что не спорь. — Она со смехом закрыла уши.

Женщина была красива, но усталость старила её. Только глаза оставались ясными и тёплыми.

— Это я виновата, что моя Лян'эр в таком юном возрасте должна работать.

Лян'эр покачала головой и нежно обняла мать. От женщины пахло сладким соусом — запах кухни, где она работала. Лян'эр счастливо вздохнула.

— И за сто лянов не променяю. Я хочу всегда быть с мамой.

— Что значит «всегда»? — погладила её по голове женщина. — Подрастёшь — замуж выйдешь.

— Не выйду, — надула губы Лян'эр и рассказала матери, что слышала в чайной. — Как подумаю, что они живы и здоровы, так... так злюсь. — Она опустила голову. При мысли об умершем отце и брате, которого забрали во дворец, ненависть захлестнула её. — Не хочу я замуж.

Госпожа Лю вздохнула.

Какое счастье — выжить, и какое несчастье — жить дальше. Разве в её сердце не было ненависти?

— Апчхи, апчхи, апчхи!

В последнее время Цзинчжэ постоянно чихал. Наверное, где-то простудился. Он потёр покрасневший нос.

Завтра он официально переходил в Управление по надзору за дворцовыми залами, где у него

будет своё место. Больше не придётся ходить через длинные переулки, чтобы отдохнуть в Северных покоях.

После его ухода Чэнь Миндэ не стал сразу брать нового человека. Во-первых, в Северных покоях в последнее время было много перестановок. Во-вторых, как сказал ему по секрету Саньшунь, здоровье Чэнь Миндэ ухудшилось. Та тяжёлая болезнь несколько лет назад подкосила его, и каждую осень и зиму ему было трудно.

Цзинчжэ не знал, как утешить Саньшуня. В отличие от других, Саньшунь относился к Чэнь Миндэ как к отцу. Чем честнее человек, тем больше он ценит доброту.

— Не волнуйся, дедушка Дэ — хороший человек, всё будет в порядке. В холодную погоду присматривай за ним, а если что — зови меня.

Саньшунь решительно кивнул. Потом он немного помедлил, словно хотел что-то сказать, но не решался.

— Будь осторожен. Матушка Мин, кажется, очень тебя не любит.

Цзинчжэ удивился. Матушка Мин не любит его? Все знали, что она не любит Северные покои, но чтобы она невзлюбила кого-то конкретно... Когда он успел ей насолить?

Матушка Мин давно притихла. После смерти предыдущей Хэ Е служанки отделились от неё. И хотя она была старше по положению, в Северных покоях они могли позволить себе немного лени.

А причиной всему была... история с Цайжэнь Лю? Это случилось в прошлом году, он уже почти забыл. Но если подумать, после того как Цайжэнь Лю казнили, а управляющего кухней убили, и его место занял Чжу Эрси, матушка Мин потеряла сознание. И именно тогдашняя Хэ Е позвала его на помощь.

Цзинчжэ не знал, какая связь была между матушкой Мин и Цайжэнь Лю, но то, что она пыталась использовать его как пешку, определённо было связано с этим делом. Она всегда искала выгоду. Значит... она хотела выслужиться перед Цайжэнь Лю? Но Цайжэнь Лю умерла, он не пошёл на кухню, и её планы рухнули?

Поразмыслив, Цзинчжэ примерно понял причину её ненависти. Но ведь это она сама просчиталась, а потом ещё и довела до смерти Хэ Е. И теперь она срывает злость на обитателях Северных покоев, а на него — в особенности?

— Я больше не служу в Северных покоях, — сказал Цзинчжэ. — Она не сможет мне приказывать. Не волнуйся.

Успокоив Саньшуня, он пошёл к Миньюю.

— Ты прав, — охотно подтвердил тот. — Матушка Мин в последнее время совсем взбесилась. То заставляет нас убирать во всех домах, то не пускает в комнаты, велит дежурить снаружи. Даже дедушка Дэ вмешивался.

— Она на кого-нибудь конкретно нападала?

— Нет, но я слышал, что нынешняя Хэ Е заняла место Ханьдань и теперь прислуживает матушке Мин.

— Будь осторожен, не попадайся ей на глаза, — нахмурился Цзинчжэ.

Миньюй кивнул. Они знали, что матушка Мин в последнее время не в себе, и старались держаться от неё подальше.

В покоях Чэнь Миндэ окна и двери всегда были закрыты. Воздух был спёртый и неприятный. Раньше матушка Мин брезговала сюда заходить. Сегодня она сидела справа от него, прикрывая нос платком. Но платок скрывал и её перекошенное лицо. После той болезни половина её лица так и не восстановилась, оставшись неподвижной маской, что ставило крест на её карьере.

Чэнь Миндэ глухо кашлянул.

— Матушка Мин, вы редко заходите ко мне. Неужели так и будете молча сидеть?

— В твоей комнате всё так же воняет, — с отвращением сказала она.

Чэнь Миндэ усмехнулся и, понюхав табакерку, выдохнул.

Прошло некоторое время, и матушка Мин не выдержала:

— Чэнь Миндэ, ты что, собираешься всю жизнь прозябать в этих Северных покоях?

— А разве вы не знали, что у меня нет амбиций? — равнодушно ответил он. — У меня здесь есть еда, одежда, слуги. Чего ещё желать?

— Я и не знала, что ты такой великодушный, — съязвила она.

Чэнь Миндэ, услышав это, рассмеялся.

— Так ты из-за Цзинчжэ пришла. — Он отложил табакерку и посмотрел на неё мутными, пугающими глазами. — Но если ты знаешь, что я мелочен, то должна знать и то, что я плачу добром за добро.

Ведь Цзинчжэ когда-то спас ему жизнь.

— Какое добро? Если бы он тебя тогда залечил до смерти...

— Но я жив, — прервал её Чэнь Миндэ. — Я не знаю, чем тебе насолил Цзинчжэ, но он больше не служит в Северных покоях, и ты не имеешь над ним власти.

— Упрямец! — в ярости воскликнула она. — Неудивительно, что Чэнь Ань стал главным евнухом, а ты всю жизнь просидел в Северных покоях! Неудачник!

От такого оскорбления Чэнь Миндэ рассмеялся.

— А разве вы, матушка Мин, сейчас не здесь же? — с удовольствием сказал он. — Ваша жизнь тоже предрешена.

Она в ярости выбежала из комнаты.

Когда она ушла, лицо Чэнь Миндэ помрачнело. Он вертел в руках табакерку.

— Откуда Чай Сумин знает о нас с Чэнь Анем? — пробормотал он.

Чай Сумин — настоящее имя матушки Мин.

После смерти Цайжэнь Лю и Цянь Циня она была сломлена. Смерть Хэ Е, скорее всего, тоже была на её совести. Но Чэнь Миндэ это не волновало. Хэ Е была её человеком. Но почему та, кто, казалось, смирился со своей участью, снова зашевелилась? Кто с ней связался? Её попытка натравить его на Цзинчжэ была слишком очевидной, а значит, это, скорее всего, отвлекающий манёвр.

Чэнь Миндэ вздохнул. Он действительно потерял былую хватку. Но раз уж его пришли проведать, придётся старым костям немного размяться. Он не любил двигаться, но он ещё не умер.

К девятому месяцу Вдовствующая императрица поправилась, в гареме воцарился мир, и при дворе было спокойно. В этот тихий сентябрь, на пороге зимы, Цзинчжэ простудился.

Сначала он просто чихал. Жун Цзю, придя, потрогал его нос и велел одеваться теплее. Цзинчжэ согласился, но работа есть работа. После неё он потел и, чтобы остыть, иногда забывал об осторожности. В итоге лёгкая простуда переросла в нечто серьёзное.

Сегодня утром у него уже был жар.

Юнькуй отпросил его с работы. Он и Хуэйпин, который жил с ним в одной комнате, оставили у его кровати горячую воду и пообещали заглядывать. Они не паниковали. Во дворце все боялись болезней. Выздоровеешь — хорошо, нет — твои проблемы. Поэтому больных остерегались. Если бы Цзинчжэ стало хуже, его бы выселили. «Выселили» означало — отправили из дворца во внутренний город. А оттуда редко кто возвращался.

Горло болело, он глухо кашлял, кутаясь в одеяло. Тело горело. Он редко болел. Очень редко. Почти никогда. Кроме той болезни, когда он только попал во дворец.

Он задремал... Через два дня должен прийти Жун Цзю... к тому времени он...

Он провалился в сон.

Проснулся от жажды. Губы были влажными, будто кто-то их смочил. Он лизнул их. На лбу лежал влажный платок.

Хуэйпин вернулся?

В этот момент чьи-то руки подняли его. От неожиданности и знакомой силы он прохрипел:

— Жун Цзю?

Он думал, что говорит громко, но получился лишь шёпот.

Жун Цзю молча поднёс к его губам чашу. Там было не то, чего он жаждал, — не вода, а тёмное, горькое лекарство. Но он, решив, что лекарство — тоже жидкость, осушил чашу.

Фу, какая гадость.

Его чуть не стошнило, но Жун Цзю тут же сунул ему в рот что-то сладкое. Лекарство отступило.

— Как ты здесь оказался? — прохрипел Цзинчжэ, когда голос немного восстановился.

Жун Цзю мог появиться где угодно и когда угодно. Это... успокаивало.

— Твой пульс говорит об истощении, тревоге и переутомлении. Отсюда и болезнь, — голос Жун Цзю был спокоен, но в нём слышалась скрытая ярость.

Дьявольски свиреп.

Цзинчжэ должен был испугаться. Но он лишь сжался, и на его покрасневшем лице появилась счастливая улыбка.

— Когда я раньше болел во дворце, я лежал один в углу и думал, как было бы хорошо, если бы кто-нибудь пришёл меня навестить.

И вот он открыл глаза, а Жун Цзю рядом.

Жун Цзю почувствовал, будто ударил кулаком по вате. Он со смехом и злостью просунул руку под одежду Цзинчжэ и больно ущипнул его за грудь.

Цзинчжэ взвизгнул. Будь у него шерсть, она бы встала дыбом.

— Ещё радуешься? — прошипел Жун Цзю.

Цзинчжэ, и без того слабый, совсем обмяк в его руках.

— Я болен, а ты... ты опять... — всхлипнул он.

На лбу Жун Цзю вздулась вена. Он злобно посмотрел на Цзинчжэ, готовый его задушить. Цзинчжэ попытался выползти из его объятий, но его снова притянули к себе.

— Куда ты, мокрый?

Жун Цзю с холодным лицом принялся вытирать ему спину. Он делал это неумело, грубо, иногда причиняя боль. Потом он злился, непонятно на кого, и снова принимался за дело.

Закончив, он бросил полотенце на пол. Цзинчжэ уже тихо плакал.

Жун Цзю, казалось, за это короткое время понял, что больные бывают капризны, и лишь со вздохом спросил:

— Чего плачешь?

— Я по семье соскучился, — прошептал Цзинчжэ, уткнувшись ему в грудь.

Неуклюжесть Жун Цзю напомнила ему отца. В детстве он часто болел, и отец, боясь, что мать тоже заболит, ухаживал за ним по ночам. Так же грубо, но с такой же заботой.

Он уже почти не помнил их лиц.

Жун Цзю долго молчал.

Когда Цзинчжэ поднял голову, он увидел на его лице странное выражение — смесь ярости и сдержанности.

— Ты... принимаешь меня... за отца?

Цзинчжэ потерял дар речи. Что у него с пониманием?

— Я не хочу ещё одного отца! — возмущённо выпалил он.

Какой ещё отец из любовника?

Лицо Жун Цзю, до этого мрачное, прояснилось. Он увидел, что Цзинчжэ от злости даже порозовел, и изогнул бровь.

Отец... ведь это не только...

— Если хочешь звать меня отцом, я не против... — многозначительно сказал он. — Только сын должен хорошо почитать отца...

Хотя Цзинчжэ не понял намёка, он завернулся в одеяло и откатился от него. Мама говорила, когда в ушах зудит, это от грязных слов. Нельзя слушать.

Жун Цзю позволил ему свернуться в клубок.

Его холодный взгляд остановился на спине Цзинчжэ. Когда тот не смотрел, лицо мужчины стало пугающе бесстрастным. На мгновение он превратился из человека в жестокого, мрачного тирана. В его тёмных глазах вспыхнуло извращённое злорадство, смешанное с эгоистичной, ужасающей жадностью.

Когда он вошёл и увидел его, больного и беспомощного, бормочущего в бреду, он ощутил не жалость... а странное удовлетворение.

Если бы Цзинчжэ всегда был таким слабым, хрупким, уязвимым... как плющ, обвивающий могучее дерево...

Убить его.

Какой сладкий соблазн.

Жун Цзю коснулся его шеи. Ледяная кожа заставила его замолчать. А потом он в ярости притянул Цзинчжэ к себе.

Влажное, холодное тело прижалось к его груди. В этот момент Жун Цзю казался теплее, чем бросаемое в жар и холод тело Цзинчжэ. Он прижал его голову к себе, подавляя слабое сопротивление.

— Спи.

Услышав мрачный, ледяной тон Жун Цзю и, кажется, даже скрежет зубов, Цзинчжэ закрыл глаза.

Плохая привычка... как тепло...

Он провалился в сон.

Давно забытое чувство безопасности.

<http://bllate.org/book/16993/1585827>